

Господин Ли, казалось, не сильно был заинтересован в деле умершего слуги из лавки благовоний: он лишь пару раз съездил туда, попросил Пятого принца из императорского управления принести данные, которые об этом случае были известны, и наказал Юань Яо прислушиваться к странным слухам, что в эти дни начали гулять по столице. Когда пришел день ехать на прием к Императору, где следовало отчитаться о проделанной работе, Ли Инчунь, однако, совсем не выглядел смущенным или взбудораженным: выходя из ворот своих покоев, он деловито оправлял одежды глубокого синего бархата и черные перчатки, скрывающие болезненно-белые руки.

Рядом с ним, в новой черной юбке и потупив голову следовала Фэнцзи. Из подобного положения девушка неволей наблюдала расшитый нитью подол своих одежд, узор которых складывался то ли в волны, то ли в покатые камни, и не понимала, как относится к ним: подобные темные цвета носили обычно лишь чиновники и небогатые старые люди, молодые же девушки, как сама Фэнцзи, старались выбирать яркие краски и броские узоры. Пусть в новом одеянии, заказанном для нее Ли Инчуном, Фэнцзи смотрелась рядом с ним словно тушечница рядом с кистью, сама девушка от обновки пребывала в смешанных чувства.

Сказать об этом прямо, однако, было бы грубостью — кроме того, Фэнцзи знала, что по выражению ее лица господин Ли и сам все поймет, — потому девушка молчала. Молчала до тех самых пор, пока хозяин и служанка не подошли к воротам Сада орхидей. Обычно на этом месте Ли Инчунь встречался с Фэн Жуном, но на этот раз никто не дожидался у алых створок, и даже слуг, чтобы предупредить об опоздании своего господина, видно не было.

Фэнцзи и Ли Инчунь переглянулись и девушка решительно толкнула дверь. Та оказалась заперта, но тут же послышались торопливые шаги и, вскоре, голос:

— Кто? — недружелюбно и резко выкрикнула Мэйцзи.

С этой стороны лицо Фэнцзи, что служила господину дольше и была главнее двух младших служанок, словно заволокли темные тучи, и она ответила:

— Господин Ли дожидается нашего молодого господина. Почему заперто? Спите вы все там что ли?

Мэйцзи немного помолчала: явно хотела нагрубить, но Ли Инчуня побаивалась, потому ответила просто:

— Молодой господин сегодня никуда не поедет — он дурно себя чувствует.

— Что случилось? — тут же забыв напускную суровость за искренним беспокойством, спросила Фэнцзи. Из-за ворот ответили:

— Ночью у молодого господина поднялся жар и кашель стал совсем нестерпимым. Мы позвали лекаря Линя и он до сих пор с молодым господином, выхаживает его. В таком состоянии лучше и со двора не выходить, потому, надеюсь, господин Ли не затаит обиду за отсутствие проводов.

Последняя фраза девушки вышла язвительной, но кроме этого голос ее действительно был уставшим и беспокойным, будто бессонная ночь сказалась на всех обитателях Сада орхидей. Фэнцзи тут же забыла обо всех своих иных делах и чаяниях: Фэн Жуна она очень любила, потому не могла вынести мысли, что он страдает совсем один. Пусть бы девушка ничем не помогла, она, конечно же, лучше этих беспечных Мэйцзи и Мэйхуа знала, как его устроить и успокоить, чтобы недуг поскорее прошел.

Едва девушка хотела податься вперед, чтобы постучать в ворота или сорвать их с петель, холодная даже через тонкую ткань перчатки рука легла на ее запястье и удержала на месте с неожиданной силой.

— У нас с тобой дела, забыла? — сказал Ли Инчунь, разворачиваясь, чтобы уйти. Фэнцзи неосознанно сделала несколько шагов за ним, а затем заупиралась:

— Господин Ли, идите без меня, вас сопроводит Пятый принц! Во дворце я в самом деле без надобности, а молодой господин...

— А ему ты разве помочь чем-то сможешь? — спокойно спросил Ли Инчунь и девушка замаялась, не зная, как ответить. Прекращать спорить она, однако, не желала, и уже открыла рот, чтобы возразить что-нибудь, когда совсем рядом раздались голоса:

— Приветствуем господина!

Фэнцзи подпрыгнула на месте и едва не выругалась. Обернувшись она увидела, что в нескольких шагах от нее стоят служанки из двора Грушевого аромата, принадлежащего наложнице Чжоу. По случаю холодов девушки были облачены в накидки с меховыми воротниками, которые в иных домах могли носить только наложницы или даже старшие супруги — знак любви прошлого хозяина поместья Фэн к хозяйке двора Грушевого аромата. Служанки поклонились господину Ли без особой почтительности и постучали в ворота Сада орхидей.

Мэйцзи ответила сразу — видимо, оставалась у ворот послушать препирательства, — строгим голосом:

— Кто?

— Сестрица Мэйцзи, это я, Няньцзэ! — пропела с улыбкой одна из девушек. — Наложница Чжоу прислала нас, чтобы передать молодому господину пожелания скорейшего выздоровления и лекарственные травы! Тут чудотворный женшень и молодые чайные листья Куаншань: после них молодому господину сразу станет легче!

Вероятно, с утра Мэйцзи и Мэйхуа бегали по делам на кухню, и по паутине сплетен новость о болезни молодого господина добралась и до двора Грушевого аромата. Наложница Чжоу повела себя в соответствии со всеми правилами, тут же отправив к названному сыну слуг, однако никто в Саду орхидей рад этому не был. Мэйцзи бы с удовольствием заставила служанок ожидать у запертых ворот, но она уже ответила им и прогнать сейчас не могла.

Красная дверь сада орхидей чуть-чуть приоткрылась и в проеме показалась бледная девичья рука. В нее служанки наложницы Чжоу вложили сверток с лекарственными травами. Мэйцзи хотела тут же вновь захлопнуть дверь, но Няньцзэ придержала ее, не давая захлопнуть створку тут же, и спросила:

— Сестрица, моя госпожа очень обеспокоена состоянием молодого господина, она не смогла даже позавтракать, когда услышала о его болезни. Разрешите взглянуть на господина, чтобы передать госпоже и успокоить ее...

С этими словами Няньцзэ принялась тянуть дверь на себя, словно твердо намеренная войти, но неожиданно она вскрикнула, убрала руку и отступила. На тыльной стороне ее ладони было несколько четких следов человеческих зубов. Дверь с громким стуком захлопнулась, а Мэйцзи из-за нее пропела:

— Прости, сестрица, молодой господин не велел никого пускать.

— Дикарка! — воскликнула Няньцзэ, баюкая руку. Ее подруга приобняла девушку за плечи и хмуро посмотрели на двери Сада орхидей. Начни они переругиваться — точно побеспокоили бы больного, потому Фэнцзи хотела уже прогнать служанок наложницы Чжоу, но неожиданно вступился Ли Инчунь.

— Девушки, — сказала он и от ледящего тона спокойного голоса ругательства застряли у служанок во ртах. — Ваша госпожа будет тосковать без вас. Ступайте.

Няньцзэ не посмела сказать и слова против: быстро поклонилась и с подругами, прижимая к груди раненую руку, поспешила прочь. Ли Инчунь потянул Фэнцзи в другую сторону.

— Пойдите, молодой господин!.. — воскликнула та, но господин Ли бросил, не оборачиваясь:

— Ничем ты ему сейчас не поможешь, но когда вернешься с собрания Императора — сможешь рассказать последние новости. Это его точно взбодрит, так что не упрямясь.

Фэнцзи пришлось признать, что в словах господина Ли — истина, и она нехотя поплелась за ним. На самом деле, вздумай девушка упираться, у Ли Инчуна не хватило бы сил тащить ее за собой, потому юноша был рад, что Фэнцзи одумалась. Впрочем, всю дорогу до ворот, где их уже поджидал экипаж Пятого принца, и внутри повозки служанка пребывала в мрачной задумчивости, что не мог развеять ни пейзаж за окном, ни сладости, которых в паланкине Фу Ичжэня всегда было в избытке.

Пятый принц спокойно отреагировал на новость о болезни молодого господина Фэн: хмыкнул, сказав, что тому полезно будет отлежаться. Куда более Фу Ичжэня волновало то, что господин Ли планирует говорить Императору о проведенном им расследовании. Тот на вопросы отвечал неохотно, говоря, что Пятый принц все равно все услышит на заседании. Единственное, что господин Ли попросил, это чтобы Фу Ичжэнь сегодня встал не у выхода из зала, где обычно, а со стороны чиновников. Из-за переполоха в поместье Фэн молодые люди немного опаздывали, потому это не было бы сложно устроить: войдя в зал позже, они тихо проскочили в нужную сторону.

Собрание шло своим чередом, обсуждались разные по степени важности государственные дела. Ведущие министерства по очереди оглашали собственные прошения и результаты, которых каждый день было бесчисленное множество. Императорский двор напоминал поле, на котором каждый день зрели зерна риса: одно за одним, они сыпались и сыпались, обращаясь или богатыми запасами при должном руководстве, или зловонной компостной кучей с гнилостным кислым запахом.

Наконец очередь дошла до Цзяннаньского хоу. В военное время Пань Тань был генералом, но в столице занимал пост в министерстве войны, потому получал слово после министра. Высокая фигура хоу и так выделялась среди чахлах силуэтов чиновников, но Пань Тань все равно выступил вперед, склонившись перед Императором. Тот выказал нетерпение:

— Прошло достаточно времени, нам интересно, что скажет о том неприятном деле наш подданный, — чуть растягивая слова, произнес Его Величество. Конечно, еще вчера Императору доставили все найденные улики, потому он о многом был осведомлен, но особое удовольствие получал от смиренного тона генерала перед собой.

Тот сказал мягким голосом, каким уговаривают обычно близких:

— Ваше Величество, этот генерал не нашел всего, но смог отыскать для вас несколько ниточек. С собой у убитого человека был жетон варварских племен, потому первым делом мои люди осмотрели его дом и личные вещи. В них мы нашли другие доказательства того, что убитый как-то был связан с нашими врагами.

Чиновники пораженно охнули, принявшись тихо переговариваться между собой. Война не так давно закончилась, стране еще только предстояло оправиться от ее разрушительных последствий — хотелось ли кому-то представлять, что у ног Императора, в самой столице бродят варварские шпионы? Между тем хоу продолжал:

— Мы решили проследить за комнатой убитого при благовонной лавке, решив, что его сообщники могут пойти туда для того, чтобы избавиться от указывающих на запад улики: так и случилось. В ночь прошлого дня мои люди поймали человека, который пробирался к комнатам убитого. Это был варвар, замаскированный под беженца, с собой у него мы нашли жетон и прямой меч — точно такой же, каким был убит слуга из лавки благовоний. Этот генерал хотел доставить того человека к людям Вашего Величества для допроса, но, к сожалению, он откусил себе язык и умер.

Голоса вокруг стали громче. Если по следу одного варвара пришел другой — сколько же их в столице в самом деле? Кроме того, замаскированный под беженца: на юге страны второй год свирепствовали наводнения, кроме того, едва закончилась война: столица в самом деле наводнена была разного вида крестьянами, что лишились своих домов. Из императорской казны им выдавались пайки и строились временные жилища, многие благородные семьи, чтобы заработать добродетелей, устраивали раздачу еды несколько раз в неделю — в один миг, однако, эти люди из сочувствия наполнились опаской. Благотворительностью часто занимались барышни благородных домов: могли ли их отцы теперь в самом деле позволить продолжать это, учитывая, что за маской несчастного беженца может скрываться жестокий варвар?

Император нахмурился: но все же в чертах его можно было различить довольство. Он смотрел на своего Генерала и видел, как дела решаются сами собой — это не могло не радовать. Пусть слова Пань Таня поселяли в сердца опаску, лучше было знать и опасаться, чем не знать и быть беспечным. В своей душе Император еще больше проникся к этому человеку.

Между тем другой человек, неприметно замерший в толпе меж чиновников, все еще не высказался. В душе Император имел некоторые мысли о Ли Инчуне, но не спешил их прямо высказывать, в большей мере по-своему присматриваясь к нему. Его Величество находился сейчас в добром расположении духа, но не мог решить, доволен ли он молчаливой покорностью господина Ли, или раздражен его бездействием. Ни гнев, ни любопытство не отразились на лице Императора, когда он сказал:

— Этим делом, однако, занимался на нашей памяти еще один человек.

Министры принялись озираться, меж толпы пытаясь найти того неприметного юношу, которого несколько дней назад осветил луч внимания Его Величества. Кто-то смотрел на него с издевкой, кто-то с сочувствием, иные — пугающе безразлично. Некоторые благородные господа заметили, что сегодня Ли Инчунь опять стоит рядом с Пятым принцем, и, кажется, довольно близок с ним.

Господин Ли, когда к нему прямо обратились, вышел из толпы и поклонился Императору. Его голова была поднята, но взгляд яшмовых глаз смотрел чуть ниже лица Императора и был слегка расфокусирован, словно юноша находился в глубокой задумчивости. На других людей вокруг

он вовсе не обращал внимания. Голос Ли Инчуня был чуть хриплым.

— Отвечая Вашему Величеству: этот подданный не добился таких поразительных результатов, как генерал, — Император хмыкнул, но, не оскорбленный подобным, господин Ли добавил. — Однако, если вы даруете свое позволение, я расскажу о том, что мне удалось узнать.

— Вряд ли от этого теперь будет толк, — резко сказал Пань Тань, но Ли Инчунь даже не повернул головы в его сторону. Пятому принцу хорошо было видно что, со своей стороны, генерал не спускает с господина Ли взгляда: трудно было, однако, сказать, чем до краев наполнены его темные глаза.

Несмотря на резкие слова генерала, Император почувствовал легкий интерес, потому позволил:

— Говори.

Ли Инчунь склонил голову еще раз и начал: на краткий миг до момента, когда своды малого зала огласил его голос, Пятый принц заметил, как неумолимо скривилось лицо генерала, словно от нестерпимой боли.

— Ваш подданный решил, что обычными методами это дело расследовать не стоит, потому как с самого начала оно кругом странное, — неторопливо сказал Ли Инчунь. — У убитого с собой был жетон варварских племен: но такие вещи не носят обычно в рукавах одежд. Этот жетон нужен, чтобы подтвердить свою личность и связаться союзниками — к чему всюду его таскать, рискуя себя выдать?

Кто-то из чиновников усомнился:

— Так может преступник и шел с такой встречи? Нашли его ранним утром, а убит он был ночью — темное время как раз годится для таких дел !

— Ваше Превосходительство прав, — кивнул Ли Инчунь, смерив говорившего безразличным взглядом. — И все же мне это кажется странным. Генерал рассказал, что проверил комнату убитого, но не упомянул, что приказал осмотреть и всю благовонную лавку — там, однако, ничего порочащего найдено не было. Выходит, всякие грязные доказательства убитый хранил с небольшой комнате, где при случае искать бы начали в первую очередь, а в остальных местах не оставил ни следа? Кроме того, меня смущает человек, который был пойман генералом. Не трудно догадаться, что смерть соотечественника начнут расследовать, а за его домом — следить, но он все равно решил туда пробраться. Вооруженный мечом как тот, которым убили нашего господина: однако где замаскированный под беженца варвар обычно прятал бы прямой меч? И разве не сражаются они обычно изогнутыми саблями? Кроме того, этот человек так удачно умер и расспросить его теперь нельзя...

— На что ты намекаешь? — прямо спросил Пань Тань, но Император остановил его:

— В словах господина Ли есть здравое зерно, — сказал он. — Господин пришел к чему-то?

— Ваш подданный неопытен, Ваше Величество, — ответил Ли Инчунь. — Может статься, что этого человека убили совсем при иных обстоятельствах и смерть его не случайность, а была выгодна кому-то. Я прошу Ваше Величество позволить мне и дальше расследовать это дело.

Император подумал несколько мгновений, а после кивнул:

— Позволяю.

Господин Ли поклонился и вернулся в безликую толпу министров, не поменяв выражения лица. За весь свой короткий рассказ он не глядел в сторону Цзяннаньского хоу и будто бы вовсе его игнорировал, но каждый рядом чувствовал обжигающий холодом взгляд, направленный в сторону облаченных в черное узких плеч.

Маленький театр:

Фу Ичжэнь: Знаешь... проблема не уйдет, если ее просто игнорировать.

Ли Инчунь: ...

Фу Ичжэнь: Даже если кажется, что так проще... ты слушаешь меня?

Ли Инчунь: ...

Фу Ичжэнь: О, то есть ты теперь считаешь меня проблемой?

Ли Инчунь: ...

Ли Инчунь: Тебе повезло, что я слишком воспитан, чтобы закрыть еще глаза и уши.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1730178>